

Шумит листвою застывший сад

Моск. правда, 2001 - 18 сент. - с. 5

сказать: «Кушать подано!» Ни математики тебе, ни физики, ни русского языка - ничего не надо! Самое первое впечатление о театре относится к четвертому классу, когда он посмотрел детскую пьесу Сергея Михалкова «Особое задание».

войны были очереди в булочных, куда Валентин ходил вместе с тетей Феней, и воздушные тревоги - подвальное сырое помещение, трубы, ночь, очень много детей, визг, крики, холод и страх. С тех пор он не переносит сырых подвалов.

Семья, в которой Гафт родился, была совсем не театральной. Отец был сильной личностью, скромным и гордым человеком, «настоящим мужчиной». По профессии - адвокат, он прошел почти всю войну. Благодаря маме, Валентин научился любить чистые простыни, порядок в квартире, научился не накапливать грязную посуду и застилать с утра постель. (В детстве мама все за ним подбирала, ибо он всегда все раскидывал и разбрасывал, и частенько восклицала: «Господи, как же ты будешь жить без меня?»)

«Родители, - пишет Гафт, - очень своеобразно реагировали на мою артистическую деятельность. Когда я учился в школе-студии МХАТ, отец мне говорил: «Валя, ну какой ты артист? Вот посмотри на Мишу Козакова. У него и костюм, и бабочка, а ты что?»

В самодеятельность Гафт попал потому, что однажды ночью его осенило: надо стать артистом. Показалось, что проще этого ничего нет, что вот наконец нашел профессию, где ничего не надо знать, а просто выйти на сцену и

ми, грибами. Действо стало потрясением. Я понял, что сюда буду ходить всегда. Это точно так же, как я первый раз снимался в кино в картине «Убийство на улице Данте» и выехал в Ригу. Мы с Мишей Козаковым, еще будучи студентами, сидели в ресторане с Ростиславом Плятом и Еленой Козыревой. Боже мой, как мне нравилось слово «ресторан», как нравились еда, тарелки, официанты. А когда на сладкое подали что-то такое белое, я принял это за манную кашу, но когда попробовал, то понял, что я буду есть это всю свою жизнь, по три раза каждый день. Это были взбитые сливки. О, Господи!

Пройдя три тура, Гафт поступил в школу-студию МХАТ. На курсе учились Женья Урбанский, Олег Табаков, Майя Менглет... Татьяну Самойлову на показах не приняли - она выскочила на лестницу и горько рыдала, с ней была просто истерика. Ей задали сыграть какой-то этюд, где надо было кричать: «Пожар!», - и она не смогла крикнуть. Как все обманчиво! Сколько людей на экзаменах кричали: «Пожар! Горим!» Но артистами не стали, а Татьяна Самойлова стала знаменитой на весь мир киноактрисой.

...В театр «Современник» Гафта пригласил Олег Николаевич Ефремов уже после того, как он поработал с такими великими мастерами, как Завадский, Гончаров, Эфрос.

- Приняли нас в труппу втроем: меня, Жору Буркова и Сашу Калягина, - рассказывает актёр. - Жора Бурков ушел из жизни, Калягин теперь самый главный в Союзе театральных деятелей, а я продолжал работать в «Современнике» вот уже 27 лет. Видимо, Ефремов так дело заварил, что после его ухода театр оказался гораздо сильнее, чем его создатель...

Творчество Гафта сегодня уже нельзя, наверное, представить без его поздравительных стихов и метких, известных всей Москве эпиграмм, которые вошли в раздел «Посвящения» и в «Записную книжку». Вот, например, посвящение Андрею Мягкову. Оно возникло, когда Гафт прочитал надпись Мягкова на потолке ресторана МХАТ: «Кто любит МХАТ больше меня, Пусть напишет выше меня». Алаверды получилось следующие:

И Микеланджело творил
под потолком.
Для вас обоих это место
свято.
Лишь Бубка мог, и то, если
с шестом,
Побить твою любовь
ко МХАТу.
Какое откровенье
в комнатенке дымной!
Какой порыв отчаянной
души!
Когда добьешься ты любви
взаимной,

Об этом чуть пониже
напиши.

Но, оказывается, Гафт может быть не только ироничен, но еще и очень нежен. Свидетельством служат следующие «восторженные» строки из раздела «Река души».

Нет, не от оргий
я в восторге,
Когда пьяны мы и сильны.
Любимая, когда в постели
Тебя касаюсь еле-еле,
В восторге я - от Тишины.
Или вот это - философское, названное автором «Я и Ты». (Очень трудно представить, что его написал все тот же, знакомый нам Валентин Гафт. Как мало все-таки мы знаем своих любимых артистов!)

Я и ты, нас только двое?
О, какой самообман.
С нами стены, бра, обои,
Ночь, шампанское, диван.
С нами тишина в квартире
И за окнами капель,
С нами все, что в этом мире
Спустилось на постель.
Мы лишь точки мирозданья,
Чья-то тонкая резьба,
Наш расцвет и угасанье
Называется - судьба.
Мы в лицо друг другу

дышим,
Бьют часы в полночный час,
А над нами кто-то свыше
Все давно решил за нас.
Елена КУРБАНОВА.

В издательском Доме «Подкова» и в издательстве «Деконт+» тиражом 10000 экземпляров вышла прекрасно оформленная книга Валентина Гафта «Сад забытых воспоминаний», составленная из стихотворений, эпиграмм, воспоминаний о себе и друзьях, написанных им за последние 25 - 30 лет. Она состоит из глав, отражающих разные направления поэтического творчества Валентина Иосифовича. А в конце последнего раздела даже есть чистые листы из «Записной книжки». Они предназначены для наших с вами размышлений и ответов на те вопросы, которые он нам подкидывает.

Один из наиболее интересных разделов - «О себе» - сразу же привлекает внимание своей пронзительной открытостью и погружением в мир военного и послевоенного времени, на которое пришлось детство артиста.

Валентин Иосифович родился в одном из самых «энергетических» мест столицы - на улице Матросская тишина. Его дом находился в интересном окружении - напротив психиатрической больницы, травма - тюрьма, слева - рынок и еще левее - студенческое общежитие МГУ. Здесь нельзя было не стать выдающейся личностью. Через дорогу была школа, где он учился десять лет, и где учились только одни мальчики. Воспоминания того времени очень остроточны и бесспорны, ибо Гафту не было еще и шести лет.

Один из наиболее интересных разделов - «О себе» - сразу же привлекает внимание своей пронзительной открытостью и погружением в мир военного и послевоенного времени, на которое пришлось детство артиста. Валентин Иосифович родился в одном из самых «энергетических» мест столицы - на улице Матросская тишина. Его дом находился в интересном окружении - напротив психиатрической больницы, травма - тюрьма, слева - рынок и еще левее - студенческое общежитие МГУ. Здесь нельзя было не стать выдающейся личностью. Через дорогу была школа, где он учился десять лет, и где учились только одни мальчики. Воспоминания того времени очень остроточны и бесспорны, ибо Гафту не было еще и шести лет.

Но первыми впечатлениями от

Но вот день 21 июня 1941 года